

ПОЛИНА ЛЮРО
МОЛЧУН

Полина Люро Молчун

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70318456

SelfPub; 2024

Аннотация

Часто бывает так, что невероятное находится совсем рядом с нами, но мы его просто не замечаем, проходя мимо...

Полина Люро

Молчун

Мой старший брат Рик — немного странный и всегда таким был, даже в детстве. Нет, он не псих, совсем наоборот — *слишком спокойный*. Такой молчун, ни с кем не ругается — просто уходит. То ли ему плевать на всех, то ли... я и не знаю, что. И это в нашей-то семейке, где каждый взрывается как вулкан при малейшем поводе, да и без повода тоже.

Папа, стоит ему немного выпить, гоняет всех без разбора, а бывает это частенько, особенно после того, как в прошлом году он потерял «хорошую» работу. Перебивается теперь случайными заработками. Мама тоже себя не сдерживает, и я её не виню: муж никудышный, дети — оболтусы, с её слов, конечно. Во многом она права, но могла бы хоть орать потише, а то скоро точно оглохну.

Сёстры — отдельная песня, даже говорить не хочется: чуть что не так, сразу то в слёзы, то в крик. Честное слово, хоть ходи целый день дома с затычками в ушах. Но, справедливости ради, признаю — я тоже не подарок, но с кулаками на всех подряд не бросаюсь, между прочим. Бабушка говорит, что это наши итальянские корни виноваты, мол, кровь горячая, эмоции через край. Корни, корни... в гробу я видел таких предков — достали, сил нет...

И в таком аду Рик — настоящий оазис спокойствия, неудивительно, что меня всегда к нему тянуло. Когда дома обстановка заметно накалялась, он не ввязывался в разборки, а уходил в заброшенный сад, что рос за нашим домом. И я бежал следом за ним. Рик сидел на поваленном дереве, строгал ножиком корягу, но меня никогда не прогонял — просто игнорировал. Ну, я так думал.

Сначала пытался с ним разговаривать, душу изливать или жаловаться. Рик молчал, и в тот момент казалось, что он и не слушал совсем. А в конце «излияний» брат обычно просто кивал головой. Соглашался со мной? Не знаю, дождаться от него ответа было трудно. Хотя однажды он всё-таки сказал:

– Забудь, ерунда всё это, — и для меня его слова стали неожиданностью. Я даже растерялся...

А он, казалось, ничего и не ждал, продолжал резать ножиком старое дерево, и у него получались удивительные, на первый взгляд странные и совершенно непонятные фигурки. Я пытался спрашивать брата:

– Что это? — но Рик только загадочно хмыкал и пожимал плечами, отдавая их мне, и я подолгу рассматривал переплетённые между собой корни или изгибы шершавой коры.

Казалось бы — обычные коряги, но стоило присмотреться к ним повнимательнее, и в руках оказывались фигурки необычных фантастических животных, иногда с большим количеством конечностей, хвостов и даже крыльев. Я с ума по ним сходил, на полке в комнате собралась уже целая кол-

лекция, а мне всё было мало. И когда Рик отдавал очередную поделку, хватал её, умоляя:

– Сделай ещё, это так круто!

Старший брат был талантлив, это понятно. Он так отличался от всех нас: отлично учился, умело обходил конфликты в школе, был аккуратным и собранным. В общем, прямая противоположность мне и сёстрам. Да, и ещё Рик не врал как я, потому что мало говорил; мы между собой так его и звали — «Молчун». Только за глаза, а прямо в лицо *сделать это* никто не решался: взгляд у Рика был особенный — тяжёлый... Ему в глаза даже мама не смотрела.

Признаюсь, что в нашей семье к брату относились неоднозначно, потому что не понимали его. Он даже внешне не был похож на меня или родителей: светлокожий и сероглазый, высокий, с правильными чертами лица и хорошей фигурой. Рядом с нами — коренастыми, кареглазыми и смуглолицыми южанами, чей рост, на мой взгляд, мог бы быть и повыше, он казался человеком, пришедшим откуда-то с севера. И я имею в виду не север штата, а гораздо дальше.

Отец не скрывал своей холодности к старшему сыну. Если бы он сам ни принял его у мамы, родившей Рика прямо в нашем грузовичке по пути в больницу, то наверняка кричал, что ему подменили сына в роддоме. А так, когда напивался, просто обвинял маму в банальной измене, что приводило её в ярость и обычно заканчивалось битьём посуды и метанием тарелок прямо в его пьяную физиономию.

Мама по-своему любила первенца, но побаивалась его, и даже иногда шёпотом рассказывала, что при родах у неё было *видение* — кто-то большой и страшный грозил ей пальцем с небес и даже обещал покарать, если она не сбережёт Рика. Смех, да и только! И как в такую чепуху вообще можно верить? Он — нормальный парень, просто молчун.

Сёстры злословили о старшем брате, а ведь он их не обижал, а когда они были маленькими, терпеливо с ними нянчился. Ну, дуры, что с них взять. Линн, младшая из сестёр, не раз пыталась меня убедить, что Рик только притворяется хорошим, а на самом деле он — *змеюка, которая однажды всех нас погубит*. Знаю я, откуда ветер дул — бабушкино влияние.

Наша бабуля считала себя потомком известной ведьмы и Рика откровенно не любила, с пеной у рта доказывая всем, что он — не *наш*, мол, в нём сидит *нечистый* и вообще несла всякую ересь, даже повторять противно. И сёстрам это внушала. А ещё она говорила, что поделки Рика — «от дьявола» и их надо сжечь. В страхе потерять дорогие вещи, я срочно упаковал и спрятал их в надёжном месте. Как же это бесило, но переубедить бабушку было нереально, меня же за упорство ещё и выпороли. Но, несмотря на это, я продолжал считать Молчуна хорошим человеком.

Стоит ли удивляться, что при таком отношении в собственной семье брат при первой же возможности ушёл из дома. После окончания школы, а он был лучшим учеником,

Рику светила прямая дорога в колледж. Но денег на обучение у нас не было, а даже если бы и были, брат вряд ли попросил их у отца.

Кто знает, как Рик нашел работу помощника лесничего в заповедном реликтовом лесу. Это не так далеко от нас, всего-то пару часов на машине. Короче, уехал, впервые за всё время погладив меня по голове — я, прям, чуть не разревелся, но сдержался под ехидными взглядами сестёр.

За прошедшие с его отъезда три месяца брат так ни разу и не позвонил, что, понятное дело, очень расстраивало. Сам не раз пытался ему дозвониться, но он словно специально не отвечал. Конечно, я обиделся, а в августе он вдруг мне приснился: стоял улыбающийся в лесу и махал рукой, как будто звал к себе. Я проснулся в холодном поту и сразу ему позвонил, как чувствовал, что он, наконец, ответит. На этот раз Рик не прятался и даже спросил:

– Как дела?

Я сначала растерялся, а потом выпалил:

– Завтра к тебе приеду на пару дней, а может, на недельку, ладно?

И услышал в ответ:

– Приезжай.

И всё, он сразу отключился. Я так обрадовался, что заметался по дому, пытаюсь собраться, но от волнения всё валилось из рук. Линн с ехидной ухмылкой следила за мной, не забывая комментировать:

— Ух ты, неужели Молчун тебе позвонил? Надо же, и чего, болван, так обрадовался, не понимаю.

— Потому что не доросла ещё, чтобы такие вещи понимать, — с умным видом ответил я.

— Ага, только на минутку — я на два года старше, забыл? — сестра скрестила руки на груди.

— И что? От этого ты умнее, что ли?

— А то, что ты, дурак, доверяешь ему и можешь за это жизнью поплатиться. Не боишься, что Молчун заведёт тебя в лес и прирежет как барана?

— Совсем рехнулась? — вспыхнул я, — ужастиков пересмотрела, что ли? С какой стати брату меня убивать: я уверен — он тоже скучает.

— О! Неужели он сам тебе сказал:

— Я так соскучился по тебе, прилипала, приезжай скорее! — и она противно засмеялась.

Взбесившись, схватил со стола книгу и запустил в сестру, но она ловко увернулась и выбежала за дверь, крикнув напоследок:

— Не жалуйся потом, что тебя не предупреждали, недоумок: увидишь, как он берёт нож — беги. Может, и повезёт. Ах, прости! Забыла, что бегаешь ты *плохо*, — и её каблучки застучали по лестнице.

Линн намекала на то, что я слегка прихрамывал, после того, как в детстве упал с той самой лестницы, по которой она сейчас убегала. Это было подло, говорить *такое* — раз-

ве я виноват в том, что кость срослась неправильно? Доктор сказал, что после операции я перестану хромать... когда-нибудь, наверное. Только когда она будет, эта операция. Впрочем, я не собирался переживать из-за слов ненормальной сестрицы — меня ждала встреча с Риком, а это куда важнее.

Мама не возражала против поездки к брату, после ухода из дома регулярно присылавшему ей часть денег из своего небольшого заработка. Она была ему благодарна за помощь, ведь отца в очередной раз вышвырнули с работы за пьянство, и мы сэкономили на всём. А папаше я ничего не сказал — вряд ли бы он заметил моё отсутствие. Тем более, что в последнее время мы редко видели его дома: он искал работу в соседнем городе. Во всяком случае, так говорил маме...

Ночью почти не спал, было и радостно, и беспокойно на душе. Только под утро задремал, увидев кошмар, в котором Рик со странно потемневшим лицом держал нож у моего горла. Я не пытался сопротивляться, только хрипел:

— Что ты делаешь, Рик, зачем? Это же я, Джо, твой брат...

— Моему господину нужна жертва, ты как раз подходишь, — невозмутимо отвечал он, и я чувствовал, как холодное лезвие испарывает кожу на шее...

С криком открыл глаза: лицо было мокрым от слёз и липкого пота. Сердце билось так отчаянно и громко, как никогда в жизни. Я тяжело дышал и никак не мог успокоиться. Вытерся краем одеяла и на дрожащих ногах поплёлся в душ.

Сон был реальным и страшным, и понадобилось время, чтобы окончательно успокоиться.

— Это Линн со своими глупостями во всём виновата, — крутилось в голове, — я болван, раз слушал её, надо было сразу выгнать идиотку из комнаты, ничего бы тогда не случилось.

Завтрак, оставленный мамой на кухонном столе, не лез в горло, и я сел в автобус голодный и злой как собака. По дороге немного пришёл в себя, но, когда подъехал к нужной остановке, меня снова охватило волнение — *лес* был совсем близко.

Тут только сообразил, что точно не знаю, где живёт Рик. Как его найти, не бродить же в поисках по лесу? Может, просто вернуться домой, позвонить брату, извиниться, сказать, что приеду в другое время? Я почти уговорил себя, но тут взгляд упал на знакомую высокую фигуру — это был Рик. Он ждал меня и, увидев, как выхожу из автобуса, махнул рукой и даже улыбнулся уголками губ. Сразу отбросил все сомнения, помчавшись ему навстречу:

— Привет, Рик! Как же я по тебе соскучился, а ты почему не звонил? Так ждал, обидно же, — протарахтел на одном дыхании, вглядываясь в его лицо. Вместо ответа брат снял рюкзак с моего плеча, взял за руку как маленького и повёл в сторону коттеджей, стоявших недалеко от леса. Стало неловко, и почувствовав это, он отпустил руку:

— Я здесь живу, пошли. Тебе понравится, Джо.

И Рик не ошибся: в доме было уютно и чисто, спокойно, а главное, тихо: никаких тебе криков и ругани. Простая обстановка, минимум мебели, компьютер на рабочем столе, книги и несколько небольших поделок на полке. Я сразу подошёл и стал крутить в руках, рассматривая со всех сторон, только потом, спохватившись, спросил:

– Можно?

– Конечно, я сделал их для тебя, ты же собираешь, да?

– Угу, какие необычные! Они мне так нравятся, Рик, отдашь, когда поеду назад?

– Разумеется, Джо... Пойдём, покажу твою комнату, а потом пообедаем. Сам приготовил стейк, старался к твоему приезду, — брат улыбался, и от этого на душе становилось тепло и радостно.

– Здорово, Рик, а то я ужасно проголодался — с утра так психовал, не смог даже есть...

Пока брат показывал мне соседнюю комнату, вдруг вспомнил, *из-за чего*, собственно, утром так разволновался. И ещё понял, что мы с ним *разговариваем*, и не как обычно — я говорю, а он молча слушает. Что же с ним случилось, почему Молчун вдруг так изменился? Он сам ответил на мой вопрос:

– Здесь очень спокойно, понимаешь? Наконец-то можно расслабиться...

Я кивнул — ещё бы, ведь он всю жизнь прожил во враждебной обстановке, никто его по-настоящему не любил...

– А я? Как на самом деле я отношусь к Рику — он правда настолько мне дорог, что безоговорочно могу ему доверять? — от таких мыслей стало не по себе, и Рик это заметил.

– Что такое, Джо? Почему ты так переживаешь, неужели что-то случилось с мамой или сёстрами? — в его голос звучала неподдельная тревога.

Пока я мотал головой, в дурной голове продолжали крутиться ужасные вопросы:

– Как он узнал, на каком автобусе я приеду? Откуда вдруг такая забота о ненавидящей его семье, ведь раньше ему было плевать на всех. Неужели он, и правда, искренен? И вообще, как человек мог так резко измениться всего лишь за три месяца; боже, а вдруг всё это лишь лицемерное притворство, и *они* были правы насчет брата? Вдруг он задумал что-то ужасное? Нет, не верю, не верю...

Рик посадил меня на кровать и сел напротив, лицо его стало привычно грустным:

– Мне понятны твои сомнения, Джо. Да не смотри так, я не умею читать мысли. Чтобы догадаться, о чём ты думаешь, достаточно просто внимательно присмотреться. Пожалуйста, успокойся... Здесь останавливаются всего два автобуса: один — днём, второй поздно вечером. Если бы ты сейчас не приехал, я вернулся бы на остановку ночью. А что касается моего отношения к семье, то ты сам всё видел. Там, кроме тебя, я никому не был нужен, но всё равно они — единственная моя родня, не могу не беспокоиться. Это чи-

стая правда. Однако, если не веришь, возвращайся домой — посажу братишку на вечерний автобус и уйду. Вот так.

Он тяжело вздохнул, опустив глаза. В его молчании я почувствовал огромное *разочарование*, и мне стало невыносимо стыдно:

– Рик! Прости дурака, не сомневайся — я верю тебе, а иначе просто не приехал бы сюда. И давай, наконец, обедать: такой голодный — съем всё, что поставишь на стол.

Он снова улыбнулся, серые глаза радостно заблестели:

– Отлично, пошли... Увидишь, чему я здесь за три месяца научился. Может, шеф-поваром мне и не стать, но уж брата смогу накормить до отвала.

– Посмотрим, посмотрим, — засмеялся я, тревога если и не исчезла окончательно, то, во всяком случае, спряталась где-то очень далеко.

За обедом мы с братом много разговаривали и строили планы, как проведём неделю вместе, не забывая, конечно, о еде, показавшейся божественной — давно так не объедался. Рик улыбался и даже шутил, и это было просто невероятно. Если бы мне ещё совсем недавно сказали, что Молчун умеет шутить — ни за что бы не поверил. Но у брата оказалось отличное чувство юмора, и к вечеру у меня заболел живот не только от обжорства, но и смеха.

Наверное, это был лучший день в жизни, но так не могло продолжаться долго. Видно, *карма у меня такая*, как говорила бабушка. Позвонила мама, сказав, чтобы завтра я воз-

вращался домой. Провести неделю с братом не получится: *приезжает отец, и хочет, чтобы вся семья собралась вместе.* Вот же засада... Ну почему ему приспичило явиться именно сейчас и всё испортить?

Брат воспринял новость растерянно — было заметно, что он очень расстроен. Его голос звучал обречённо:

– Ну, что же делать, Джо, надо — так надо, вернёшься раньше. Но до этого я хочу показать тебе кое-что удивительное. Завтра, хорошо? А пока иди спать, ты сегодня устал, а я тут уберу.

Внутри меня всё кипело от злости:

– И почему я такой невезучий?

Не хотелось вываливать *это* на Рика и, пожелав ему спокойной ночи, я ушёл. Побесившись немного в одиночестве и от души поколотив подушку, постепенно смирился и стал планировать новую встречу с братом. Ведь ничто не мешало приехать к нему ещё и ещё раз, верно? Это меня успокоило, и я даже не заметил, как уснул. Уже во сне показалось, что кто-то ходит вокруг кровати и тяжело дышит, но утром всё забылось...

Проснулся я поздно, в полдень. Подскочив как ужаленный, бросился в соседнюю комнату, испугавшись, что Рик куда-то ушёл. Но он сидел за компьютером и печатал, а, увидев меня, улыбнулся по-доброму:

– Привет, Джо, а я и забыл, какой ты соня. Выспался?

– Привет, почему раньше не разбудил? У нас же не так

много времени, — я почти кричал от досады. Рик только хмыкнул, кивнув в сторону накрытого стола:

– Ничего страшного, мы всё успеем. Я позвонил маме и договорился, что ты вернёшься завтра утром. Мой знакомый отвезёт тебя домой, ему по пути. Иди умывайся и садись за стол, а то я один съем все блинчики.

– Нет, не надо, я мигом! — и меня как ветром сдуло.

Мы с братом поздно завтракали, а может рано обедали в молчании. У Рика был грустный взгляд, а я не знал, что сказать. После вчерашней болтовни меня словно заклинило, и в голову ничего не приходило. Допивая огромный бокал вкусного кофе, спросил:

– И куда мы сегодня пойдём? Ты же обещал показать что-то удивительное...

Рик вытер губы салфеткой, посмотрел в глаза и сказал именно то, что я боялся услышать:

– В лес, Джо. Мы пойдём с тобой в этот замечательный лес. Да не пугайся так, боже, глупыш! Я знаю, что ты боишься заблудиться, обещаю — этого не произойдёт, я не оставлю братишку ни на минуту. Уверен, тебе понравится то, что ты сегодня увидишь. Это не обычный перелесок на краю города, это особенный, потрясающий лес. Там столько красивых мест, туристы платят большие деньги, чтобы посмотреть на них. Ты не пожалеешь...

Я сник — мне было *страшно идти туда*. Как-то в детстве я заблудился в лесу и так перепугался, что больше не ходил

в походы. Но как быть, если Рик просит? Даже настаивает... В конце-то концов, не маленький уже, когда-то надо преодолеть свои страхи. И я согласно кивнул, но вид у меня при этом был, наверное, как у приговорённого к смертной казни.

Рик одобрительно похлопал по плечу:

– Вот и правильно, всё будет хорошо. Сейчас и пойдём, я уже подготовил рюкзак для прогулки.

– Как, прямо сейчас? — проямлил в ответ, и глядя на меня Рик усмехнулся, покачав головой. Мне стало стыдно, не хотелось выглядеть трусливым ребёнком, и я решил терпеть, не показывая вида, даже если будет страшно.

Минут через десять мы вышли из дома. На плече у Рика висел только небольшой рюкзак, а, значит, прогулка обещала быть недолгой. Это меня подбодрило, и я пошёл следом. Лес был таким огромным, что по сравнению с ним сам себе казался крошечным муравьём и невольно затормозил в нерешительности. Рик крепко сжал мою ладонь в своей, и, тяжело вздохнув, пришлось следовать за ним.

Сначала я просто держался за руку брата как маленький мальчик, боясь даже поднять голову и посмотреть на огромные, упирающиеся прямо в небо стволы вековых деревьев. Но вскоре страх прошёл, сменившись восхищением: я с интересом слушал рассказ Рика о заповедном лесе и его обитателях, и, осматриваясь вокруг, убедился сам, насколько брат был прав. Это было удивительное, волшебное место, поразившее меня до глубины души.

Мы бродили по тропинкам, которые Рик знал в совершенстве, спускались в крутые овраги, пили воду из маленьких ручейков, большие — переходили по мшистым валунам. Впервые без страха трогал огромные шершавые стволы, за которыми могли спрятаться сразу несколько человек, а в конце — устроили пикник на большой цветочной поляне, подкрепившись содовой и крекерами. И при этом чувствовал себя прекрасно, даже несмотря на хромоту, ни разу не споткнувшись — Рик всё время был рядом, поддерживая меня.

Казалось, что в лесу мы провели не больше часа, но солнце говорило об обратном: оно опустилось уже довольно низко, и тут я забеспокоился:

— Рик, нам не пора возвращаться домой? Скоро наступят сумерки...

— И хорошо, я же собирался показать тебе что-то удивительное, не так ли? А увидеть это можно только когда стемнеет.

Я поперхнулся водой, которую жадно пил из бутылки:

— Что? Останемся здесь на ночь? Нет, Рик, мы так не договаривались, давай вернёмся, пожалуйста...

— Да что с тобой, мне казалось, братишка преодолел страх, тебе же всё нравилось? Поверь, я ночевал в лесу много раз — здесь совершенно нечего бояться: крупных хищников нет, разве что белки или зайцы.

Он произнёс это с такой иронией, что я заколебался:

– Да, но, Рик... мне как-то не по себе, раньше я никогда не бывал в лесу ночью.

– Перестань страдать и успокойся, ты переживёшь забываемое приключение; подумай сам, будет что рассказать друзьям в школе. Мы уже пришли. Посмотри, как здесь красиво, а вот и то самое место. Сейчас соберём хворост и разведём костёр, у меня в рюкзаке горячий чай и куча сэндвичей — голодным не останешься.

Я не знал, что возразить брату. В одном он был точно прав, *такого* со мной ещё никогда не случилось. И всё же Рик должен был предупредить о том, что мы останемся в лесу на ночёвку. Наверное, специально промолчал, знал, что тогда я ни за что бы не пошёл с ним *сюда*. Делать было нечего, пришлось согласиться, но на душе стало беспокойно — вернулись старые страхи и подозрения, но я дал себе слово держаться.

Мы собрали хворост, Рик умело развёл костёр, сделав это вовремя, потому что быстро стемнело, и стало совсем не по себе. Брат одел на меня свою ветровку и укрыл плечи походным одеялом, напоив чаем из термоса, после которого я быстро успокоился и расслабился. А это уже было подозрительно, неужели чай был с *добавкой*, чтобы «трусиска» не психовал?

С наступлением темноты заметно похолодало, но Рик, в одной рубашке и джинсах, казалось, не замечал этого.

– Может, он тоже что-нибудь *принял*? — в голову приле-

тела ленивая мысль, но я уже перестал волноваться и в полусне смотрел на брата. Он ходил вокруг костра в каком-то радостном возбуждении, улыбаясь своим, только ему известным мыслям — глаза сверкали, а обычно бледные щёки горели непривычным румянцем.

— Никогда не видел его *таким*, — промелькнула и исчезла ещё одна залётная мыслишка, — и что теперь будет?

Наконец Рик обратил на меня внимание, сел рядом у костра и зашептал прямо в ухо, как будто боялся, что кто-нибудь нас подслушает:

— Джо, посмотри прямо перед собой. Там, за костром — большое дерево. Смотри внимательно, что ты видишь?

— Э... ну вижу огромный ствол, весь покрытый мхом, ветки тоже большие, с них свисают лианы, такие пушистые, словно толстые лохматые верёвки, прямо до земли. Приколльно...

Рик взлохматил мне волосы и засмеялся — наверное, то, что он выпил, было крепче чая.

— Молодец, Джо, но приглядиись к стволу получше...

Я вгляделся: пламя костра то поднималось, то опадало, и это очень мешало наблюдению, и всё же... Я увидел *то*, о чём говорил Рик. Это была вертикальная щель в стволе дерева, такая большая, что рука точно бы в неё пролезла. Рик подкинул веток в костёр, огонь вспыхнул с новой силой, и я даже присвистнул от удивления, *потому что щель проходила насквозь через весь ствол.*

– Ух ты, Рик, какая трещина, да она же огромная! Это её ты хотел показать, да? Но при свете дня я бы рассмотрел её лучше, совсем необязательно было...

Рик взглянул на меня как на недоумка:

– Нет, в том-то и дело, что днём её не существует.

– Не видно, что ли?

Он вздохнул:

– Вообще *нет*, я много раз проверял, нет её, а однажды вечером увидел, вот как сейчас.

Хмыкнул, отхлебнув из кружки своего «чая».

– А ты уверен, Рик, может, померещилось?

– Уверен, уверен. Но не в этом дело, смотри внимательно, что будет дальше.

Заинтригованный, я уставился на трещину, но ничего не изменилось. Вопросительно взглянул на брата, но в ответ он ухмыльнулся, протянув руку вперёд:

– Начинается...

И тогда я увидел *это* и охнул: пламя костра снова вспыхнуло и взметнулось очень высоко, а потом едва не затухло, словно невидимый ветер пытался его потушить. Искры от костра вдруг стали подниматься вертикально вверх, одна за другой, образуя поток практически параллельных прямых, чего в принципе быть не могло. Я разинул рот от удивления.

Но это было ещё не всё — через своеобразный «занавес» было видно, как трещина в стволе постепенно расширялась. Она росла прямо на глазах, плавно увеличиваясь, открывая

перед очарованным взглядом удивительное чудо: там, внутри сиял и переливался яркими красками мир, в котором двигались странные существа, очень напоминавшие что-то знакомое... да, конечно, тех самых фантастических существ, что вырезал из коряг Рик. Вырезал и дарил мне.

– Рик, Рик! Ты тоже видишь это, а? Это же не глюк от того чая, которым ты меня сейчас напоил? Что молчишь, Рик, не пугай...

Я повернулся к нему, не договорив, и тут же пожалел об этом. Рик стоял рядом, опустив руки вдоль тела, не отводя взгляд от происходящего за костром чуда. Тень упала на его лицо, некрасиво исказив знакомые черты: лоб стал выше и бугристее, нос вытянулся и загнулся крючком, щёки ввалились, подбородок заострился, а глаза, напротив, — уменьшились, и в них полыхало оранжевое пламя костра.

Но самое страшное было не это, а огромные чёрные крылья за спиной о брата. И даже не то что они внезапно появились, так напугало меня: покрывавшие их чёрные перья *медленно опадали* и, вместо того, чтобы опускаться на землю, как листья клёна в сентябре, кружась, поднимались вместе дымом костра прямо в тёмное ночное небо.

– Это же *чёрный Ангел*! — ахнул я.

Легенды о нём ходили в наших краях ещё со времён индейцев. Давным-давно Ангел появлялся, чтобы разрушать и уничтожать всё, что встречалось на его пути. И убивать людей... Так говорили старухи, и моя бабушка тоже. Неужели

брат — чёрный... Нет, не может быть.

Я отчаянно крикнул хриплым от страха голосом:

– Рик, очнись, приди в себя!

Голова тут же услужливо напомнила сон о брате, убивавшем меня ножом. В памяти всплыл противный голос Линн:

– Он прирежет тебя и погубит всех нас.

И бабушка с её «нечистым», крестившаяся каждый раз, когда его видела...

Рик повернулся на призыв, и тень исчезла с его лица. Это был прежний Рик, мой брат Молчун, в которого я всегда верил. Красивый, хоть и очень бледный, с печальным, полным боли взглядом. Только крылья никуда не делись, продолжая сыпать перьями, как осенними листьями.

Я заплакал. Рик наклонился, нежно погладив по волосам:

– Прости, что напугал, но когда-нибудь это должно было случиться. Я так мечтал провести последние дни с тобой, видно, не судьба. Молчун должен уйти, ты же понимаешь, да? Слишком долго я сдерживал *это* в себе и теперь расплачиваюсь. Так будет лучше для всех, и в первую очередь — для тебя. Не забывай меня, ладно? Будь счастлив, и прощай, Джо, братишка...

Он выпрямился и шагнул прямо через полыхающий костёр к дереву, а потом исчез в трещине, которая теперь уже казалась мне огромной беззубой пастью, проглотившей любимого брата. Это уже было *слишком*, и я провалился в беспамятство.

Меня разбудил незнакомый молодой человек с небольшой бородкой на симпатичном лице, одетый в жёлтый дождевик. Было хмурое утро, с неба накрапывал слабый дождь. Я лежал у потухшего костра, завёрнутый в одеяло и не понимал, что происходит.

– А где Рик? — первое, что спросил у незнакомца.

Он улыбнулся и протянул крепкую, мозолистую руку, помогая встать:

– Ты Джо, да? А я — Питер, сосед Рика. Он просил подбросить тебя домой, вот и вещи заранее отдал. Сказал, вы с ним вчера собирались в поход, и объяснил, как тебя найти. Он ведь странный, твой брат, правда? Но человек хороший.

Я запутался в одеяле, пытаюсь из него выбраться, снова спросив этого Питера:

– А где Рик?

– Я не знаю; он сказал, что ему надо куда-то уехать, и это всё, что известно. Ну, давай, поднимайся скорее и пойдём, у меня не так много времени.

– Да, сейчас, подождите минуточку, — бормотал я, освободившись, наконец, от проклятого одеяла и закинув его в брошенный на землю рюкзак брата. Потом, спотыкаясь, добежал до дерева и ощупал его кору: как и думал, никакой трещины не было и в помине.

– Значит, это был дурацкий сон, и беспокоиться не о чем, — уговаривал себя, стараясь не отстать от почти бежавшего Питера.

– А где же Рик, разве он мог вот так бросить брата в лесу, спящим на голой земле? Он же обещал, что не отойдёт от меня, а сам уехал по делам? Ну, значит, мог, что ж поделать, — снова обманывал себя, трясясь в старом джипе Питера. Я придумывал брату разные оправдания, лишь бы не вспоминать о странном *сне*, увиденном этой ночью.

Дома перекинулся парой слов с мамой и сразу ушёл в свою комнату. Только там заметил, что вместе со своим рюкзаком принёс и рюкзак Рика. Вытряхнул его содержимое на кровать: там был разный мусор — пустые банки от содовой, бумажный пакет из-под съеденных нами крекеров, термос и одеяло, а ещё кошелёк с деньгами и старый, где-то подобранный им компас, на который я давно зарился. И, конечно, обещанные мне поделки из коряг.

Перебирая вещи, случайно перевернул компас. На его задней стенке было нацарапано:

– Любимому брату Джо от Рика, не забывай меня.

Я снова и снова перечитывал эту надпись, пока до меня не дошло, что так Рик прощался. В набитом купюрами кошельке лежала записка:

– Джо, это деньги, которые скопил для тебя. Используй их с умом, не трать на всякую ерунду.

Прочитал и засмеялся сквозь слёзы:

– Сначала бросил братишку, Рик, а теперь даже *оттуда* пытаешься указывать, что мне делать? Да пошёл ты...

Я плакал горько, навзрыд, потому что знал — *это был*

не сон. Потому что никогда уже не увижу брата, не скажу ему, как он мне дорог. Просто, я невезучий по жизни чел — всё теряю, даже брата. Выплакавшись, пришёл в себя и задумался, а такой ли уж я неудачник на самом деле? Разве у каждого есть, ну пусть — был, *такой* брат? Разве каждый в своей жизни хоть раз видел чудо? А я — видел, и, вообще, всё у меня будет хорошо... Что это я раскис? Рикю это не понравилось бы...

Встал и в волнении начал ходить по комнате, не сразу заметив, что *больше не хромаю. Совсем.*

– Это твой прощальный подарок, да, Рик? Спасибо, брат...